А.М. Сунгурский

ПРАВАЯ РУКА

А.М. Сунгурский

Правая рука

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Правая рука / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Артёму Лапину платят за то, чтобы он сломал человеку правую руку.
Но Олег Горелов предлагает вместо неё левую. Артём отказывается от поручения и уходит. Наутро Горелова находят убитым. Обе руки целы.Чужой долг оказывается только удобным объяснением. За ним — исчезнувший игровой банк, семейная тайна и новая партия в нарды, на которую уже приглашён ничего не подозревающий человек. Артём пытается выяснить, кому понадобилась именно правая рука, и успеть предупредить следующего участника. Но привычка решать за других остаётся с ним даже тогда, когда он хочет помочь.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Левая 5
Глава 2. Субботний звонок 11
Глава 3. Запасной ключ 17
Глава 4. При встрече 22
Глава 5. Брат 27
Глава 6. Свободный вечер 32
Глава 7. Три коробки 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

А.М. Сунгурский
Правая рука

Глава 1. Левая

Олег Горелов предложил сломать ему другую руку так, словно в заказе перепутали размер.

— Левую, — сказал он. — Я левую дам.

Он сидел за кухонным столом. Перед ним лежала небольшая кисть с белой краской на ворсе, рядом стояла банка, обёрнутая газетой. Горелов красил дверцы навесного шкафчика, когда Артём позвонил. Одну успел поставить на место; вторая сохла на двух табуретках у окна. Поэтому чашки, банки и старая сахарница теснились на столе, и для левой руки он сначала освободил место: отодвинул сахарницу, переставил стакан с ложками.

Артём смотрел, как он это делает. Горелов ни разу не задел чашки. Только когда всё было готово, зацепил рукавом кисть, и она упала на пол.

— Поднимать не надо, — сказал Артём.

Горелов выпрямился. Ему было за сорок, на фотографии он выглядел моложе и полнее. В квартире, под жёлтой кухонной лампой, стало видно, что лицо у него худое, а густые волосы над ушами уже совсем седые. На подбородке темнел порез от бритвы. Кровь остановилась давно.

— Я не собирался поднимать.

Он положил левую руку на стол и расправил пальцы. Правую оставил на колене.

За стеной включили воду. Труба под мойкой коротко загудела; Горелов посмотрел туда с привычным раздражением, которое сразу исчезло.

Артём ещё раз оглядел кухню. Ничего не прибавилось. Снятая дверца, чашки, полотенце на батарее, раскрытая коробка с короткими винтами. Телефон хозяина лежал экраном вверх возле банки. Артём видел, как Горелов сам положил его туда, когда они прошли на кухню.

— Вы поняли, что я сказал?

— Понял. Вы сказали правую. Я предлагаю левую.

— Почему?

Горелов несколько раз втянул губы. Когда он приглашал Артёма войти, рот у него не закрывался: говорил о краске, о том, что на лестнице опять курят, просил не задеть плечом косяк со старой бежевой краской. Теперь слова приходилось доставать по одному.

— Мне правая нужна.

— Всем нужна.

— Значит, всем не ломайте.

Артём подвинул ногой свободный стул и сел. Горелов перестал улыбаться.

* * *

За сорок минут до этого Артём ждал Дмитрия Коротина во дворе за магазином сантехники. У разгрузочной двери лежала ванна, запакованная в картон. Дождь уже размочил нижние углы, и грузчик, вышедший покурить, пытался подложить под неё обломок поддона. Одной рукой приподнять ванну не получалось. Артём взялся с другой стороны; вместе они поставили её повыше.

— Спасибо, — сказал грузчик. — А то скажут потом, что я принимал.

Артём стряхнул с ладоней мокрую труху. Коротин наблюдал за ними из машины, но вышел только после того, как грузчик вернулся внутрь.

— Всё при деле, — заметил он.

У Дмитрия была новая куртка с очень короткими рукавами. Или он так высоко держал плечи. На запястье открывались часы, прежде спрятанные под старым пуховиком. Артём ждал уже двадцать минут и успел несколько раз решить, что уйдёт.

— Ты адрес обещал прислать.

— Хотел объяснить.

Дмитрий показал фотографию. Мужчина стоял у дверей магазина с пакетом, ручки которого соединил узлом. Лицо было повёрнуто к кому-то за краем снимка. Он смеялся, и смотреть на него почему-то было неприятнее, чем на обычную фотографию для документов.

— Олег Горелов. Сорок три. Живёт один. Сейчас дома.

— Откуда знаешь?

— Человек сказал.

Артём подождал. Дмитрий всё ещё держал экран перед ним.

— За что?

— За долг. Но денег с него сегодня не бери.

— А завтра?

— Завтра разберутся без тебя.

Дмитрий убрал телефон. Из магазина вынесли длинную коробку и поставили на ванну. Грузчик вышел следом, увидел, что получилось, и молча перенёс коробку под навес. Ему пришлось задеть Коротина плечом. Тот отступил, не прерывая разговора.

— Нужна правая рука. Именно правая. Остальное не твоё.

Артём посмотрел на его открытое запястье.

— Какая сумма?

— Шестьдесят тысяч, — сказал Дмитрий.

— Долга какая сумма?

— Тебе-то что?

В другое время этого хватило бы. Артём не раз ходил по чужим адресам, зная о долге столько, сколько помещалось в коротком разговоре. Иногда человек начинал с возмущения, иногда сразу доставал деньги. Бывали и такие, которые плакали ещё до того, как он успевал назвать себя. Он не считал всякий чужой плач доказательством своей ошибки.

Но сегодня Дмитрий приехал лично и двадцать минут держал его под дождём ради двух слов о правой руке.

— Я должен понимать, что ему говорить.

— Скажешь, что я прислал.

— Ты сам ему давал?

Дмитрий застегнул куртку до горла. Рукава от этого длиннее не стали.

— Тёма, я не собираюсь здесь обсуждать все расчёты. Надо, чтобы он сегодня понял. Без больницы ты это ему не объяснишь.

— Так больница нужна или рука?

— Рука. Я вроде ясно сказал.

Артём посмотрел на фотографию ещё раз, когда Дмитрий переслал её вместе с адресом. Ему не понравилось лицо человека, смеющегося за краем незнакомого разговора, и не понравилось, что это уже имело для него значение.

— Если не один?

— Уйдёшь. Мне лишние люди не нужны.

Дмитрий дал деньги. Артём пересчитал их под козырьком подъезда и убрал во внутренний карман. Край последней купюры был влажным: капля попала с его большого пальца.

* * *

Горелов оказался один. На звонок открыл сразу, с кистью в руке, но не распахнул дверь, пока не спросил, к кому пришли.

— Олег Горелов?

— Смотря зачем.

— От Дмитрия.

Олег посмотрел на кисть, словно только сейчас заметил её, и впустил Артёма. В прихожей пришлось обойти дверцу шкафа, прислонённую к стене. Горелов сказал, что всё делает по очереди, иначе в квартире будет не развернуться. На кухне включил чайник и предложил сесть. На табуретке рядом со снятой дверцей лежали отвёртка и короткий молоток; Олег убрал их в открытую коробку на подоконнике.

Артём остался стоять. Спокойно объяснил, что ему поручили.

Чайник зашумел. Олег выключил его, не дождавшись кипения, и сел сам.

Теперь они сидели друг против друга. У Горелова на столе лежала левая рука. Артём видел старый светлый шрам у основания большого пальца и тонкую полоску свежей краски возле локтя. Пальцы постепенно согнулись, хотя хозяин явно старался держать их расправленными.

— У тебя деньги есть? — спросил Артём.

Горелов поднял глаза. Переход на «ты» он заметил, но возражать не стал.

— Немного.

— И ты предлагаешь их не отдавать, а остаться с одной рукой?

— Вы же не за деньгами пришли.

— Я спросил, есть или нет.

— Есть. Но не столько, чтобы это закончилось.

— Сколько должно закончиться?

Горелов отвёл взгляд к окну. На стекле отражалась лампа и часть лица Артёма; улицы почти не было видно.

— Вам не сказали?

— Ты скажи.

— А если назову меньше, вы поверите?

Артём отодвинул стул, освобождая колени от края стола. Горелов дёрнул левой рукой, будто собирался спрятать её, но оставил на месте.

— Не надо, — сказал он.

— Чего?

— Вот этого. Я не бегаю. Сижу перед вами. Предлагаю то, что могу.

Артём посмотрел на телефон возле банки.

— Кому ты звонил?

— Когда?

— До меня.

— Брату.

— Сказал, что я приеду?

— Откуда я знал, что вы приедете?

Ответ был правильный. Артём помнил: Горелов открывал с кистью, и чайник включил уже после слов о Дмитрии. Но он мог знать о посетителе, не зная, какой именно человек придёт. Мог оставить телефон на столе нарочно. Артёму вдруг очень захотелось взять аппарат и посмотреть, что в нём открыто.

Он не взял. Если здесь ждали именно этого, чужой телефон уже ничему не поможет.

— Брат скоро будет?

— Не будет. Мы по телефону поругались.

— Из-за долга?

— Из-за шкафчика. Он говорит, надо было новый покупать.

Артём посмотрел на снятую дверцу.

— Ты сейчас серьёзно?

— А вы думаете, у меня каждый разговор про вас?

Олег сразу пожалел о своих словах. Это было видно по тому, как он прижал губу зубами и втянул голову в плечи. На несколько секунд квартира притихла: соседи закрыли кран, чайник больше не шумел. Слышался только чей-то телевизор далеко за стеной, с весёлым женским голосом.

Артём не любил людей, которые успевали сказать лишнее и тут же принимали вид наказанных. Возникало гадкое ощущение, что всё уже произошло и ему оставили лишь подтвердить. Он мог сейчас подняться, и Горелов испугался бы ещё сильнее. Для этого не требовалось ничего знать ни о долге, ни о правой руке.

— Убери её, — сказал Артём.

Олег не сразу понял.

— Руку со стола убери.

Тот подтянул левую к себе и прижал к животу. Правая всё ещё лежала на колене, но теперь Артём увидел, что она держит край стула. Костяшки побелели.

— Я не прошу совсем ничего не делать, — торопливо сказал Горелов. — Вы поймите. Чтобы у вас потом не получилось, будто вы приехали и просто ушли. Я согласен. Только не эту.

— Кому согласен?

— Вам.

— Меня кто-нибудь спрашивал, согласен ли я выбирать?

Горелов посмотрел на него с таким недоумением, что Артём разозлился уже по-настоящему. Он приехал исполнить поручение, за которое взял деньги. Теперь хозяин квартиры освобождал для него место среди чашек, предлагал удобную руку и, кажется, считал, что они почти договорились.

— Ты на меня смотри, — сказал Артём. — Не на дверь. Зачем тебе правая?

— Есть работа.

— Какая?

Олег не ответил. Правой рукой он отпустил стул и поправил рукав на левой, закрывая пятно краски. Движение вышло быстрым и точным. Затем он опять взялся за сиденье, уже не скрывая, как сильно сжимает его.

— Завтра надо? — спросил Артём.

— Потом.

— Послезавтра?

— Какая разница? Я правой живу. Чашку беру, пишу, ем. Вот это всё тоже правой.

Он повёл подбородком в сторону дверцы. Артём посмотрел на белую краску. На краю осталась соринка, которую Горелов не заметил или решил не вынимать. Человек мог быть хорошим мастером и оставить соринку. Мог быть плохим мастером и беречь руку. Всё это не объясняло, почему он так упорно торговался о другой.

— Скажи Дмитрию, что денег я сейчас не принесу, — произнёс Олег. — Он знает. У меня нет того, что ему обещали.

Артём поднял голову.

— Что обещали?

— Ничего.

— Ты сам сказал.

— Я много чего сейчас скажу. Вы бы на моём месте лучше разговаривали?

Он потянулся левой к стакану с ложками, хотя воды в нём не было. Заметив это, остановился и обхватил стакан обеими руками. Ложки негромко звякнули.

Артём встал. Горелов тоже начал подниматься, но сел обратно, когда Артём повернулся к двери.

В прихожей стояли две пары обуви. Старые ботинки, в которых хозяин попал на фотографию, и кроссовки с чистыми светлыми подошвами. На крючке висела куртка. Обычная квартира человека, живущего одного; Артём не заметил здесь ничего подозрительного, когда входил. Теперь ему казалось, что Дмитрий специально оставил ему ровно столько сведений, чтобы он сделал свою часть, а потом не смог объяснить, чему помог.

Горелов появился в дверях кухни.

— Вы куда?

Артём надел куртку. В квартире было тепло, и он успел её снять ещё до предложения руки. Теперь внутренний карман потянул вниз знакомой тяжестью телефона и денег.

— Сегодня не будет.

Олег провёл языком по губам.

— А завтра?

— Не знаю.

— Послушайте, я же не отказался.

Артём застегнул молнию.

— Ты это зачем мне говоришь?

— Чтобы вы так не передали. Что я отказался. Я предложил другое.

Из кухни снова зашумела вода. Соседи наверху. Олег оглянулся, и Артём впервые увидел в нём человека, который не контролирует даже привычный звук в своей квартире.

— С Дмитрием я сам поговорю.

— А мне?

— Что тебе?

— Позвонить ему?

Артём открыл дверь. Ему хотелось ответить грубо, чтобы Горелов перестал спрашивать разрешения на собственные действия. Но всё, что приходило в голову, звучало как новое поручение.

— Делай что хочешь.

Он вышел. Горелов не закрыл сразу: в щели оставалась полоска света. Артём спустился до поворота лестницы и услышал щелчок замка.

Навстречу поднималась пожилая женщина с коротко стриженными волосами. Уступая ей место у перил, Артём прижался к стене.

— На каком этаже красят? — спросила она.

— Выше.

— Понятно, что не в подвале. Всё в квартиру тянет.

Она пошла дальше. Артём спустился, не оборачиваясь.

* * *

На улице дождь кончился. С козырька ещё капало; Артём отошёл от входа, чтобы вода не попадала за воротник, и достал телефон.

Дмитрий не ответил.

Артём набрал: «Не сделал. Надо поговорить».

Посмотрел на текст и отправил. В кармане оставались чужие деньги. Вернуть их можно было только Дмитрию, а тот теперь не брал трубку.

У подъезда остановилась машина доставки. Водитель спросил, где здесь второй корпус. Артём показал в сторону соседнего двора; водитель поблагодарил, но ещё не уехал, сверял номер на экране. Пришлось объяснить, что за аркой нужно свернуть ещё раз, и самому посмотреть на табличку, чтобы не отправить человека обратно к дороге.

Пока они разбирались, пришёл ответ.

«Что значит не сделал?»

Артём нажал вызов. На этот раз Дмитрий сбросил сразу.

Он подождал и написал: «Предлагает левую. Говорит, у него нет того, что тебе обещали».

Сообщение прочитали. Больше Дмитрий не ответил.

Артём убрал телефон и пошёл к остановке. В начале двора горел маленький магазин, возле дверей стояла женщина с двумя тяжёлыми пакетами. Увидев его, она подхватила один и позвала кого-то, оставшегося внутри. Артём прошёл мимо.

Ему хотелось позвонить Горелову и спросить, кому тот собирается отдавать правую руку завтра или потом. Номера у Артёма не было. Только адрес и фотография, на которой человек смеялся.

Глава 2. Субботний звонок

Утром Артём пересчитал деньги ещё раз. Двенадцать купюр. Их было неудобно класть обратно в карман: теперь они уже ни к чему не относились, кроме вчерашнего отказа.

Он убрал их в ящик кухонного стола, под коробку с батарейками. Потом вытащил. Если Дмитрий позвонит, придётся ехать, и лучше не забыть. Артём редко забывал деньги, но сегодня заранее раздражался на всё, что могло задержать расчёт.

Телефон лежал возле мойки. От Дмитрия новых сообщений не было. Последнее, про левую руку, прочитали вчера почти сразу.

Артём налил в чайник воду и поставил на плиту. Электрический он отдал Ирине при разъезде, а новый так и не купил. Обычный чайник работал, только нужно было оставаться на кухне, пока он закипит. Утром это даже помогало: Артём успевал поесть, вместо того чтобы выйти из дома с первой же мыслью о деле.

Ирина написала, что завтра заберёт оставшиеся коробки. Их было три, все стояли у стены в комнате; две она подписала, на третьей нарисовала круг. Артём уже неделю собирался спросить, почему круг, но разговор всякий раз уходил в другую сторону. Теперь он ответил, что будет дома после обеда.

«Я приеду утром. С братом».

Он набрал, что поможет сам, посмотрел на фразу и стёр. Она не спрашивала, кто будет носить.

«Хорошо».

Чайник начал шуметь. Артём достал хлеб, сыр и маленькую сковородку, которую Ирина оставила со словами: эту всё равно никто нормально не отмоет. На дне пригорело масло. Он срезал сыр слишком толсто, отложил один кусок и взялся за телефон, когда тот завибрировал.

Дмитрий позвонил сам.

— Вчера после него куда поехал?

Артём прижал телефон плечом и выключил газ.

— Домой.

— Сразу?

— В магазин зашёл. Что?

— Потом к нему не возвращался?

Он снял телефон с плеча.

— Дима, что случилось?

На той стороне было шумно. Кто-то сдавал назад, пищал автомобильный сигнал. Дмитрий, видимо, отходил от машины: шум ослаб, затем хлопнула дверь.

— Горелов умер.

Артём посмотрел на сковородку. В неё он ещё ничего не положил, только взял со шкафа и поставил на конфорку.

— Когда?

— Нашли утром.

— Кто?

— Брат. Ты мне всё сказал?

Артём не ответил сразу. Он вспомнил Горелова у кухонной двери, с обеими руками, опущенными вдоль тела. Потом память сама передвинула левую на стол. Две картинки мешали друг другу, хотя он точно знал их порядок.

— Я его не трогал.

— Совсем?

— Совсем.

— Не толкал? Не прижимал? Может, он потом…

— Я его не трогал, Дима.

Он произнёс это так громко, что услышал собственный голос из прихожей. Квартира была пустая. Никто не мог выйти из комнаты и попросить говорить тише.

— Где ты? — спросил Дмитрий.

— Дома.

— Подъедь. Вчера где встречались, через дорогу. Там кафе с утра.

— Кто тебе сказал про смерть?

— Подъедь, поговорим.

Дмитрий отключился.

Артём некоторое время держал телефон. Потом опустил его на стол, положил сверху ладонь и обнаружил, что не может вспомнить, какая именно рука у Олега держала край стула. Правая — конечно, правая. Он видел побелевшие костяшки. Левая лежала перед ним.

Ничего не произошло между этими руками и его собственными. Он приехал, поговорил и ушёл. Этого должно было хватить, чтобы спокойно доесть завтрак.

Он вернул сыр в упаковку, убрал хлеб и взял деньги.

* * *

Дмитрий сидел у окна с нетронутой кашей. Возле тарелки лежала пластиковая карточка, которую выдавали в кафе до оплаты. Артём повесил куртку на спинку соседнего стула и сел, не проходя к стойке.

— Возьми что-нибудь, — сказал Дмитрий.

— Ты кого-нибудь ещё туда отправил?

— Не отправлял я никого.

— Сам ездил?

Коротин поднял голову.

— Ты мне сейчас это серьёзно?

— Да.

— Я тебе звоню, спрашиваю, что ты сделал. А ты меня уже туда записал?

Артём достал деньги и положил на сиденье рядом с собой, прикрыв ладонью.

— Забери.

— Убери. Ты где находишься?

— Где ты назначил.

Дмитрий оглянулся на стойку. За ней женщина нарезала хлеб и разговаривала с поваром через маленькое окно. На них никто не смотрел.

— Сейчас не до этого, — сказал он. — Деньги у тебя есть. Останутся у тебя до разговора. Потом разберёмся.

— С кем?

— Со всеми. Ты расскажи, как было.

Артём убрал купюры обратно. Застегнул внутренний карман, повесил куртку на спинку своего стула, чтобы она оказалась между ним и стеной. Дмитрий следил за ним и ждал.

— Открыл один. С кистью. Шкаф красил. Про тебя спросил, я сказал: от Дмитрия. Зашли на кухню.

— Он тебя знал?

— Я его в первый раз видел.

— Я не это спросил.

Артём посмотрел на него.

— По имени меня не назвал. Ты кому говорил, что я приеду?

— Кому надо, тому говорил.

— Ему?

— Ему — нет.

К столу подошла женщина со стойки и спросила, будет ли Артём завтракать. Пришлось повернуться к меню, висевшему над кассой. Он не мог прочитать мелкие строки с места и заказал то же, что у Дмитрия.

— Рисовую? — уточнила она.

— Да. И чай.

— Чай сами возьмите. Кашу принесу.

Артём встал, взял стакан из металлической корзины и налил кипяток. Рядом лежали пакетики с чаем, сахар и деревянные палочки. Пока он выбирал, Дмитрий достал телефон, что-то прочитал и положил его экраном вниз.

— Дальше? — спросил он, когда Артём вернулся.

— Дальше я сказал, зачем приехал. Он предложил левую.

— Именно так?

— Именно так. На стол положил. Сахарницу подвинул. Я сначала решил, что он издевается.

— И ты ничего?

— Что я должен был?

Дмитрий взял ложку и размешал кашу. На поверхности образовалась плотная плёнка; пришлось разбить её краем ложки.

— Ты понимаешь, что меня будут спрашивать? Мне надо знать, что отвечать. Не из тебя вытягивать потом по кусочку.

— Я тебе вчера написал.

— Написать можно что угодно.

Артём почувствовал, как нагревается лицо. Вчера Дмитрий не хотел говорить, не брал трубку и не отвечал на сообщение. Сегодня сидел перед ним и требовал подробностей, как будто всё это время ждал правды, а Артём её прятал.

— Что с ним случилось?

— Я ещё не знаю всего.

— Что знаешь?

— Голова. Кровь на кухне. Так мне сказали.

Артём убрал руку со стакана. Кипяток успел обжечь пальцы, но он заметил это только сейчас.

— Кто сказал?

— Сергей.

— Брат?

Дмитрий кивнул.

— Ты его знаешь?

— Знаю. Тут многие друг друга знают.

Это было правдой, которую Дмитрий обычно доставал, когда не хотел говорить другую правду. Артём ждал, но тот больше ничего не добавил.

Женщина принесла тарелку. Артём поблагодарил, взял ложку и положил рядом. Каша пахла молоком, по краю блестело растаявшее масло. Он не ел с прошлого вечера и всё-таки не мог заставить себя попробовать.

— Олег сказал, что у него нет того, что тебе обещали. Что он имел в виду?

Дмитрий посмотрел на окно. На остановке через дорогу стояли люди; одна женщина держала ребёнка за капюшон, пока тот пытался влезть на бортик клумбы.

— Деньги, наверное.

— Он тебе должен?

— Он много кому должен. Был.

— Мне ты говорил, что за долг.

— А ты решил, я за любовь отправил?

Дмитрий сказал это тихо, даже устало. Раньше Артём в таком месте прекращал спрашивать: шутка означала, что дальше будут раздражение и разговор о том, кто кому даёт работу. Сейчас ему стало понятно, что он может выслушать и это.

— Он спросил, позвонить ли тебе. Перед тем как я вышел. Позвонил?

— Был звонок.

— Когда?

— После тебя.

У Артёма сразу изменилось дыхание. Дмитрий это заметил.

— Не радуйся раньше времени. Я не говорил, что разговаривал.

— Ты ответил?

— Нет. Я занят был. Увидел потом.

— Покажи.

Дмитрий не двинулся.

— Дима, ты сейчас говоришь, что он после меня звонил. Покажи время.

— Время моё покажу, когда спросят. Тебе кто разрешил мне в телефон лазить?

За соседний стол сели двое мужчин в одинаковых рабочих куртках. Один поставил на пол коробку с инструментами, второй, поморщившись, потрогал пятно на сиденье. Дмитрий выждал, пока они перестанут двигать стулья.

— Мы с тобой не спорить сюда пришли. Ты заходил поговорить о долге. Поговорил. Не сошлись. Ушёл. Это ведь так?

Артём смотрел на него.

— Вчера я другое слышал.

— Ты ничего не сделал. Зачем тебе сейчас рассказывать про то, чего нет? Кто от этого умнее станет?

Вчера Олег спросил, позвонить ли Дмитрию, и Артём ответил: делай что хочешь. Если звонок действительно был, он мог доказывать, что Олег ещё держал телефон после его ухода. Но пока Артём знал об этом только со слов человека, предлагающего ему удобный рассказ вместо точного.

— А Сергей что знает? — спросил он.

Дмитрий провёл ложкой по краю тарелки.

— Знает, что ты был.

— Откуда?

— От меня. Он спросил, я сказал. Фамилию не давал.

— Спасибо.

Коротин отложил ложку.

— А я должен был соврать, что никого не было? Там соседи, подъезд. Ты же не сквозь стену ходил. Человек брата нашёл, мне позвонил. Я сказал, что ты вечером разговаривал и ушёл. Больше я не знаю.

Артём хотел спросить, почему Сергей позвонил именно Дмитрию. Вопрос уже стоял между ними, но Коротин вынул из кармана деньги за завтрак и положил на карточку.

— Я поеду. Ты доступен будь. Если начнут звонить, не прячься.

— Кто начнёт?

Дмитрий посмотрел на него почти с жалостью.

— Тёма.

Он надел куртку, взял телефон и отнёс карточку к кассе. Артём видел, как женщина пересчитала деньги, отдала сдачу. Дмитрий убрал её в карман, не проверяя, и вышел.

Каша у Артёма тоже успела покрыться плёнкой. Он съел несколько ложек, запил чаем и понял, что теперь его мутит. Пришлось посидеть, глядя в окно, пока мужчина за соседним столом рассказывал напарнику, почему дома надо ставить второй кран, даже если хозяева уверяют, что первого хватит.

Артём расплатился сам. На чеке время было напечатано неправильно: часы на кассе отставали от его телефона почти на пять минут. Он заметил это случайно и поймал себя на желании сохранить бумажку. Потом всё-таки положил её в карман. Вчера он не сохранял ничего, кроме сообщений Дмитрию.

* * *

Он не поехал домой. На остановке сел в автобус, который шёл в сторону Волги, и проехал две остановки, прежде чем понял, что выбрал дорогу к Горелову.

Можно было выйти и пересесть. Можно было позвонить знакомому адвокату, чей номер остался после давнего дела одного из водителей. Артём открыл контакты, нашёл фамилию и задержал палец над значком вызова. Что говорить? Что его наняли сломать человеку руку, а человек теперь мёртв? По телефону это прозвучит сразу целиком. Вчерашний отказ останется в конце рассказа, и до него ещё нужно будет договорить.

Он закрыл контакты. Номер никуда не делся. От этого почему-то стало чуть спокойнее.

В автобусе сидела девочка с открытой коробкой пирожных. Женщина рядом всё время просила закрыть крышку, девочка обещала и не закрывала. На каждом повороте они обе придерживали коробку, хотя та лежала ровно на коленях. Артём смотрел мимо них на мокрые фасады. Тверь в субботу двигалась медленнее: возле магазинов останавливались машины, люди не торопились переходить дорогу, кто-то вёз на велосипеде длинную удочку, привязанную к раме.

Он вышел на одну остановку раньше и прошёл через двор. Доставочная машина, которую вчера пришлось направлять к другому корпусу, уже не стояла у подъезда. Ни одной похожей машины не было.

Возле Гореловского дома припарковали две служебные. Дверь подъезда держали открытой. Артём узнал пожилую женщину с коротко стриженными волосами: вчера она поднималась ему навстречу и спросила, на каком этаже красят. Сейчас женщина стояла возле лавки и спорила с мужчиной в форменной куртке.

— Мне домой надо. Я там живу. Я вам не с улицы пришла смотреть.

Мужчина объяснял, что пройти можно, только не задерживаться на лестнице. Женщина не слушала: продолжала доказывать то, с чем уже согласились.

Артём остановился в стороне. Ему не хотелось, чтобы она вспомнила вчерашнюю встречу, и ещё меньше хотелось заметно отворачиваться.

Из подъезда вышел мужчина в сером свитере под незастёгнутой курткой. Шёл быстро, глядя под ноги. В руках держал связку ключей и сложенный пополам лист. Возле машин остановился, осмотрел двор, словно забыл, куда собирался.

Артём узнал сходство раньше, чем догадался, кто это. Те же густые волосы, только темнее; та же складка у рта, когда губы плотно сжаты. У Олега лицо всё время менялось. У этого человека оно будто застыло после какого-то невидимого усилия.

Женщина у лавки перестала спорить и окликнула его:

— Серёжа, ты дверь-то потом не оставляй. У меня ключа нет.

Мужчина посмотрел на неё, но, кажется, не понял.

— Закроют, — сказал он.

Артём шагнул к нему.

— Сергей?

Тот поднял глаза.

— Я вчера был у Олега.

На лице Сергея ничего не изменилось. Только ключи в его руке перестали звенеть.

— Артём?

— Да.

Сергей посмотрел на подъезд, затем снова на него.

— Подожди здесь.

Он вернулся к человеку в форме и о чём-то сказал негромко. Артём увидел, как тот повернул голову. Уехать сейчас было ещё можно: его никто не держал, не спрашивал документы, не загораживал дорогу. Он стоял возле лавки и ждал, чувствуя, как во внутреннем кармане тянет куртку оставшаяся плата.

Сергей вернулся.

— С тобой поговорят. Я сказал, что ты пришёл.

— Хорошо.

— Он вчера как был?

Артём посмотрел на него.

— Живой.

— Я не это спрашиваю.

Сергей уже сердился. Злость придала его лицу движение, и сходство с Олегом стало ещё заметнее. Артём вспомнил: «А вы думаете, у меня каждый разговор про вас?» — и отвёл глаза к открытому подъезду.

— Красил шкаф. На кухне всё заставил чашками. Чайник включил, потом выключил.

Сергей медленно кивнул.

— Я говорил ему, не надо этот шкаф красить.

Он произнёс это тихо, без раздражения. Лист в его руке намок у сгиба, хотя дождь давно кончился.

К ним подошёл мужчина в обычной куртке, представился сотрудником полиции и попросил Артёма назвать фамилию.

Артём назвал.

— Документ с собой?

Он достал паспорт. Деньги остались в другом кармане. Пока сотрудник смотрел фотографию, Сергей стоял рядом и не уходил, будто ему пообещали, что теперь человек, разговаривавший с его братом живым, расскажет всё ещё раз — с самого начала, без пропусков.

Глава 3. Запасной ключ

Сотрудник вернул паспорт и спросил, в какое время Артём заходил к Горелову.

— Вечером. После шести.

— Точнее помните?

Артём достал телефон. Сообщение «Не сделал. Надо поговорить» было отправлено в девятнадцать двадцать три. Он посмотрел на время, не открывая разговор целиком.

— Ушёл в начале восьмого. Примерно.

— До этого долго находились?

— Минут двадцать. Может, больше. Я не засекал.

Сергей стоял рядом. Артёму хотелось попросить его отойти, но тогда пришлось бы объяснить зачем.

— По какому вопросу приходили?

— О долге поговорить.

— Кому Горелов был должен?

Артём назвал Дмитрия Коротина и сразу добавил:

— Меня он попросил. Я сам Олега раньше не знал.

Сотрудник записал фамилию, попросил номер Дмитрия. Артём продиктовал. Он только что совершил простое действие, которого Коротин не запрещал, и всё равно ждал, что телефон сейчас зазвонит.

Сотрудник спросил, может ли Артём сегодня приехать для более подробного разговора. Тот сказал, что хочет сначала связаться с адвокатом.

— Свяжитесь, — ответил мужчина. — Контакт вам сейчас дам. Нужно будет согласовать время.

Ни удивления, ни насмешки в его голосе не было. Он уточнил адрес и номер Артёма, попросил сохранить переписку, относящуюся к визиту, и отошёл к машине. Артём смотрел ему вслед. Всё произошло без той сцены, к которой он успел приготовиться: не прижали к капоту, не вывернули карманы, не сказали, что если чист, то адвокат не нужен. От этого не стало легче. Теперь придётся самому позвонить и рассказать то, чего не произнёс во дворе.

— Ты уйдёшь? — спросил Сергей.

— Пока нет.

— Давай в машину. Здесь все слушают.

Они отошли к серому минивэну. На его заднем стекле остался светлый прямоугольник от снятой рекламы. Сергей открыл пассажирскую дверь и убрал с сиденья свёрнутое одеяло.

— Рамы возил, — объяснил он. — Садись.

Артём сел. Сергей обошёл машину, занял своё место, положил ключи в углубление рядом с рычагом передач. Двигатель не завёл.

Несколько секунд оба смотрели через лобовое стекло. Напротив стоял фургон с открытой задней дверью; мужчина укладывал в него детский велосипед, поворачивал руль, чтобы тот не мешал закрыть. Всё у него получалось медленно, но без чужой помощи.

— Сколько он был должен? — спросил Сергей.

Артём повернулся.

— Тебе Дима не сказал?

— Я у тебя спрашиваю.

— Мне сумму не назвали. Сказали, он знает.

Сергей потёр пальцами верхний край руля. На коже были мелкие тёмные трещины; внутри каждой лежала светлая пыль.

— И ты так поехал?

— Поехал.

— Это что, обычное дело?

Артём смотрел на него и не мог понять, зачем человек задаёт вопрос, если уже выбрал ответ.

— Бывает.

Сергей отвернулся к боковому окну.

— Он тебе денег дал?

— Нет.

— Обещал?

— Нет. Сказал, сейчас нет того, что обещали Диме. Я ему передал.

— Как передал?

— Написал.

Сергей медленно провёл ладонью по лицу. Артём слышал, как щетина шуршит под пальцами.

— Он всё говорил: потом, потом. Привезу, разберусь. Я уже не слушал половину. Сам уставал от того, что не слушаю, но начинал — и снова одно и то же.

Артём не ответил. Он не знал Олега достаточно долго, чтобы подтвердить, и не хотел утешать Сергея тем, что за двадцать минут у них сложилось другое впечатление.

— Ты как его нашёл?

Сергей посмотрел на ключи возле рычага.

— Телефон не отвечал. Я утром звонил. Потом ещё раз. Мне надо было забрать у него стол, он обещал отдать в мастерскую. Старый, который в комнате стоял. Вместо него что-то другое купить собрался. Я решил, опять спит. Приехал.

— Дверь была закрыта?

— Да. Я звонил. Потом своим открыл.

— У тебя ключ?

— Был всегда. У меня от него, у него от меня. Раньше мать к нему приходила, я ей давал.

Сергей поднял связку. На ней было несколько разных ключей и маленький пластиковый брелок с номером. Он перебрал их и показал один, длинный, с потемневшими зубцами.

Артём сразу понял, что Сергей не обязан ему ничего показывать. Но тот делал это с таким сосредоточенным усердием, словно сейчас можно восстановить утро в обратном порядке и найти место, где ещё следовало позвонить кому-нибудь другому.

— Я открыл. В прихожей дверца стояла. Я её чуть не уронил. Позвал его, он не отвечает. На кухне свет. Чайник холодный. И он там.

Сергей замолчал.

— Дальше не надо, — сказал Артём.

— Почему?

— Не обязательно мне всё.

— А мне обязательно было?

Артём отвернулся. Ему нечего было ответить. Вчера он спокойно смотрел на чужую руку, разложенную между чашками. Сегодня ему стало неприятно слышать о том, что могло лежать на том же полу.

— Я думал, живой ещё, — сказал Сергей. — Хотя видно было. Всё равно думал. Позвонил, мне объясняли, что смотреть. Я отвечал. Потом приехали. Уже ничего.

Он вытащил из кармана сложенный лист и развернул. На нём были записаны два номера телефона, один печатными цифрами, другой от руки. В углу расплылось пятно.

— Теперь звонить. Везде звонить. Я номер набираю — и не понимаю, что говорить. У меня брат умер? Брата убили? Мне кто это должен сказать так, чтобы я уже мог повторять?

Он посмотрел на Артёма, но ответа не ждал.

Снаружи женщина с короткой стрижкой снова подошла к подъезду. Её пропустили. Она поднималась медленно, держась за перила. Артём видел только первые несколько ступеней за стеклянной дверью.

— Вчера на лестнице эту женщину встретил, — сказал он. — Спрашивала, где красят.

Сергей посмотрел вслед.

— Валентина Павловна. Она с соседнего этажа. Всё знает про дом.

— Она его вечером видела?

— Не знаю. Её спрашивали. Меня потом отдельно отвели.

Артём кивнул. Он уже хотел открыть дверь, пойти следом и спросить сам. Потом представил, как та женщина опять стоит у подъезда, а он требует назвать время и повторяет одно и то же, пока ей не захочется согласиться с удобным ответом.

— Я скажу, что встречал, — произнёс он. — Тем, кто спрашивал.

— Скажи.

Сергей сложил лист. На этот раз сгиб пришёлся прямо по номеру, и он разгладил бумагу, чтобы цифры не исчезли в мокрой полосе.

* * *

Телефон Сергея зазвонил. На экране появилось имя «Наташа». Он ответил сразу.

— Я возле дома ещё.

Женский голос Артём не разбирал. Сергей слушал, опустив глаза на руль.

— Нет. Не пускают туда пока. Я сам потом заберу, что скажут… Не надо ехать. Здесь ничего не надо.

Он помолчал.

— Кирилл дома?

После ответа его лицо напряглось.

— А куда пошёл? Ты спросила?.. Я не о том, разрешила или нет. Я спрашиваю, куда.

Сергей заметил, что Артём смотрит на него, и отвернулся к окну.

— Дай ему мой номер ещё раз. Пусть ответит. Я вчера просил… Да помнит он номер. Наташ, не начинай сейчас.

Разговор закончился не сразу. Сергей дважды сказал «хорошо», один раз «я понял» и ещё раз спросил, ел ли Кирилл. После этого убрал телефон.

— Сын, — объяснил он.

Артём кивнул.

— Сколько ему?

— Двадцать один. Взрослый, да. Мне уже все это сказали сегодня.

— Я возраст спросил.

Сергей посмотрел на него и опустил голову.

— Извини.

Это извинение неожиданно смутило Артёма сильнее, чем предыдущая злость. Он не собирался ссориться с человеком, который утром нашёл брата, и не собирался помогать ему жить. Приехал узнать, что произошло после его ухода. Теперь сидел в чужой машине, слушал разговор с женой и отвечал так, словно они давно друг другу мешают.

— Олег с твоим сыном общался?

— Общался.

— Часто?

— Последнее время часто.

Сергей вытащил из-под одеяла на заднем сиденье бутылку воды, открутил крышку и сделал несколько глотков. Артёму не предложил. Потом вспомнил, но тот покачал головой.

— Он ему нравился, — сказал Сергей. — Дядя ничего не запрещает. Дядя всё понимает. Дядя может среди недели куда-то уехать, вернуться с подарком. А отец утром будит и говорит, что клиент ждать не будет.

— Вместе работаете?

— У меня работает. Окнами занимаемся. Он нормально умеет, когда хочет. Я ему не просто так деньги плачу.

Сергей закрутил крышку и положил бутылку между сиденьями. Она не удержалась на наклонном пластике и скатилась под ноги. Он нагнулся, достал её и уже с раздражением бросил назад на одеяло.

— Вчера тоже к Олегу собирался. Я сказал: дома побудь. У него там ремонт, какой смысл. Но я же не знаю, где он потом был. Мне говорят, взрослый. Хорошо. А если мне сейчас надо знать, где он был?

Артём почувствовал, как в разговоре появилось ещё одно возможное имя. Он не стал произносить его. Сергей, видимо, почувствовал то же самое и выпрямился.

— Я не говорю, что он что-то сделал.

— Я тоже.

— Он любил Олега.

Артём посмотрел в лобовое стекло. Мужчина с велосипедом уже уехал. На освободившемся месте лежал маленький чёрный ремешок, которым, наверное, собирались закрепить колесо. Его забыли, пока закрывали дверь.

— Ты с братом вчера разговаривал? — спросил Артём.

— Днём.

— По телефону?

— Да.

— Он сказал, вы из-за шкафа поссорились.

Сергей усмехнулся, не поднимая глаз.

— Сказал. Конечно, из-за шкафа.

— А из-за чего?

— Из-за всего, Тёма. Там шкаф уже в конце был. Когда про остальное не получилось.

Артём ждал, но Сергей больше не объяснил. Открыл дверь, выставил ногу на асфальт и остался сидеть боком.

— Мне надо ехать. Наташа одна. Потом в мастерскую. Я людям утром не сказал, что меня не будет, они теперь там сидят.

Артём тоже вышел. Возле открытой двери было холоднее, чем он ожидал; за время разговора машина нагрелась от дыхания.

— Номер дай, — сказал Сергей.

Артём назвал. Сергей набрал его при нём. Телефон в кармане завибрировал, и Артём сохранил контакт как «Сергей Горелов».

— Если вспомнишь что-нибудь ещё, позвони.

— Ты тоже.

Сергей не ответил сразу. Потом кивнул.

— Диме всё рассказываешь? — спросил он.

— Не всё.

— Вот и не надо всё. Пока сами не поймём.

Артём посмотрел на него. Слова были почти те же, что за завтраком, только теперь их говорил брат погибшего, а не человек, который дал деньги.

— Что значит «сами»?

— Я имею в виду, не пересказывай ему каждый мой разговор. Я не хочу потом слушать, что он обо мне думает.

Сергей сел за руль. Завёл двигатель, но, прежде чем закрыть окно, ещё раз посмотрел на Артёма.

— Олег не только вот это всё делал.

— Что?

— Долги. Игры. Он не только этим жил.

Артём кивнул. Сергей, кажется, хотел сказать ещё что-то, но ограничился коротким движением руки и выехал со двора.

* * *

Артём нашёл сотрудника, который записывал его данные, и сообщил про Валентину Павловну. Тот уточнил, где они встретились и что именно она спросила, записал ответ и поблагодарил. Не сказал, помогает ли это, не сообщил, что рассказала сама женщина.

На выходе со двора Артём остановился возле магазина. Под навесом было сухо. Он достал телефон, снова открыл номер адвоката и нажал вызов, пока не успел придумать другой порядок действий.

Ему ответил незнакомый женский голос. Пришлось спросить, верный ли это номер. Женщина сказала, что он попал в приёмную, выслушала фамилию и попросила подождать.

Артём смотрел на металлический край навеса, с которого падали редкие капли. Одна попадала на стоящую у стены тележку и всякий раз издавала одинаковый тонкий звук.

Мужчина в трубке назвал себя. Артём напомнил, где они прежде встречались. Адвокат помнил водителя, чьим делом занимался, самого Артёма — нет.

— Ничего, — сказал он. — Что произошло сейчас?

Артём вдохнул.

— Я вчера был у человека. Приходил насчёт долга. Сегодня его нашли мёртвым.

— Вы сейчас где?

Он назвал улицу.

— Вас удерживают? Вы можете свободно уйти?

— Могу. Я сам приехал.

Адвокат задал ещё несколько вопросов, договорился о встрече и сказал, какие документы взять. Затем вернулся к началу:

— До подробного разговора со следствием мы с вами должны спокойно обсудить весь визит. Не только то, что, по вашему мнению, имеет отношение к смерти.

Артём посмотрел на своё отражение в стеклянной двери магазина. Куртка застёгнута, лицо обычное. Женщина за стеклом переставляла коробки с печеньем и не замечала, что он стоит рядом.

— Хорошо, — сказал он.

— Вы хотели что-то ещё добавить?

— При встрече.

Адвокат назвал время ещё раз. Артём повторил, чтобы не забыть, и убрал телефон.

Деньги он всё ещё носил с собой. Теперь было ясно, что вернуть их и закончить вчерашний вечер не получится.

Глава 4. При встрече

Адвокат принял его в комнате, где было слишком много стульев. Три стояли перед столом, ещё два — у стены, возле высокого растения с сухими концами листьев. Артём выбрал крайний, с которого можно было видеть дверь.

— Павел Михайлович Данилин, — повторил хозяин кабинета. — Давайте знакомиться заново. В прошлый раз мы с вами, кажется, только в коридоре разговаривали.

Он оказался меньше, чем запомнился Артёму: узкоплечий, с небольшими кистями рук. Когда-то возле задержанного водителя Данилин занимал всё пространство — спрашивал, передвигал людей, звонил, добивался, чтобы ему ответили. Здесь он долго искал очки, нашёл под папкой и предложил воды.

Артём отказался. Потом согласился. Пока адвокат наливал из графина, можно было ещё немного помолчать.

— Вы сказали, что приходили по поводу долга. Вашего?

— Нет.

— Кредитора представляли?

— Меня попросил знакомый.

— Что именно попросил?

Артём сделал глоток. Вода была комнатной температуры и отдавала пластиком, хотя налили её из стекла. Он поставил стакан на маленькую салфетку, промахнулся и передвинул.

— Чтобы человек понял, что надо рассчитаться.

Данилин снял очки.

— Артём, я могу час задавать уточняющие вопросы. Вы заплатите за этот час, а потом мы вернёмся к тому, с чего следовало начать. Я не предлагаю вам сейчас выбирать правильные слова. Расскажите, что вы должны были сделать.

Через стену кто-то рассмеялся. Артём повернул голову. Данилин встал и прикрыл дверь плотнее.

— Нас не слышат?

— В приёмной слышно, что люди разговаривают. Слов не разобрать. Если вас беспокоит что-то ещё, скажите.

Артём покачал головой. Он пришёл именно для этого разговора. Сам набрал номер, сам нашёл дом, поднялся на второй этаж. Теперь сидел и ждал, что незнакомый человек каким-нибудь способом произнесёт нужное за него.

— Правую руку ему сломать, — сказал он. — Вот что попросил.

Данилин не изменился в лице. Только перестал придерживать очки за дужку и положил их на стол.

— Вы это сделали?

— Нет. Я к нему даже не прикоснулся.

— Теперь расскажите с того места, где получили поручение.

На этот раз Артём рассказал. Про двор за магазином, фотографию, деньги и объяснение о долге, которого он не проверял. Про снятую дверцу, левую руку и правую, вцепившуюся в стул. На словах о плате достал купюры. Данилин не взял их; указал на свободное место перед Артёмом.

— Они все здесь?

— Шестьдесят. Я ничего не тратил.

— Это можно пересчитать позже. Где они были после встречи с Коротином?

Артём начал перечислять карманы и кухонный ящик. Услышав собственный рассказ, разозлился: он возил деньги по городу, как вещь, от которой достаточно избавиться, чтобы никто больше ничего не мог спросить. Данилин дослушал, затем попросил показать переписку.

Телефон лежал между ними. Артём сам прокручивал разговор. До вчерашней фотографии там были другие адреса, короткие просьбы перезвонить, снимок незнакомой двери. Он торопливо провёл пальцем вниз, но адвокат не попросил вернуться.

— Сейчас мы разбираем Горелова, — сказал он. — Об остальном поговорим отдельно, если потребуется. Ничего здесь не меняйте.

— Я и не собирался.

Данилин прочитал оба сообщения, затем спросил, что Дмитрий ответил утром.

— Утром он звонил, — поправил Артём. — Про смерть здесь нет. Я вам сейчас своими словами сказал.

— Хорошо. Значит, это ваши сведения о разговоре, а не его письменный текст.

Он вернул телефон. Артём ожидал вопроса, зачем остановился. Данилин задал другой:

— Что вы уже сообщили сотрудникам?

Пришлось снова вернуться во двор. «Насчёт долга». Фамилия Дмитрия. Время ухода. Сергей рядом, слишком близко, чтобы произнести про руку. Артём объяснял это обстоятельствами, пока не заметил, что адвокат ничего не записывает.

— Я не знал, что говорить при брате, — закончил он.

— А теперь знаете, что хотите сообщить?

— Что не убивал.

— Эту фразу я услышал. Она не объясняет визит.

Артём откинулся на спинку. Ножки стула скрипнули. Всё происходило не так, как он представлял по дороге: адвокат не брал вчерашний вечер в свои руки, не отделял нужную часть от ненужной, не обещал, что два отправленных сообщения всё решат.

— Если я скажу про поручение, они решат, что всё-таки сделал.

— Если вы скроете, а оно выяснится из другого источника, вопрос тоже возникнет. У вас есть право не свидетельствовать против себя. Это право не требует сочинять другой повод для визита. Как и когда давать объяснения, мы обсудим. Но мне нужна правда, иначе я буду помогать человеку, которого вы придумали вместо себя.

Последние слова Артёму не понравились. Слишком легко их было сказать, сидя с этой стороны стола. Он взял телефон, повернул экраном вниз.

— Я ведь мог выполнить. И всё равно не выполнил.

— Это существенное обстоятельство. Его и надо проверять. Я сейчас не могу обещать вам правовой результат всего, что происходило до отказа. И за слова о смерти, которые передал Коротин, отвечать как за установленную причину мы не будем.

Данилин надел очки и впервые открыл чистый лист.

— Давайте по порядку. Что вы сказали Горелову, когда вошли?

Артём повторил. На этот раз не заменил ни одного слова. Перед выходом он снова убрал купюры во внутренний карман.

* * *

До назначенного разговора они успели съесть по пирожку в пекарне у перекрёстка. Данилин ел стоя, держа бумажный пакет под подбородком. На звонок ответил: «После шести, раньше не получится», — выслушал и добавил, что хлеб купит сам.

Артём смотрел на поток машин. День уже перевалил за середину. Он не работал, никого не ждал по обычным делам, но устал так, словно таскал тяжёлые вещи с утра. От консультации

легче не стало; зато отпала необходимость придумывать, с какой фразы начинать следующий разговор.

Соглашение с адвокатом лежало в папке. За его работу Артём заплатил со своей карты. Шестьдесят тысяч остались во внутреннем кармане. Данилин попросил пока не устраивать никаких тайных возвратов и не договариваться с Дмитрием об общем рассказе. Артём сказал, что не собирается.

— Сегодня он уже предлагал, — напомнил адвокат.

— Он предлагал. Я не обещал.

— Тогда не обещайте и дальше.

У здания, куда они приехали, пришлось ждать, пока проверят, к кому они идут. Артём привычно отошёл к стене, пропуская женщину с объёмной сумкой. Она спросила у дежурного, можно ли оставить сумку здесь, получила отказ и стала перекладывать её с руки на руку. Из сумки торчала детская куртка. Артём поймал себя на том, что ищет в чужом неудобстве объяснение чужой беды, и отвернулся.

Следователь Свиридова встретила их без спешки. На столе у неё стояла кружка, в которой осталась половина холодного чая. Стул для Артёма пришлось отодвинуть: он мешал открыть нижний ящик.

Она представилась, объяснила порядок разговора и права. Артём слушал, следя за Данилиным. Тот не перебивал, но и не кивал за него. Когда ему предложили уточнить утренние сведения, Артём сам сказал:

— Я неправильно ответил, кому был долг. Я не знаю, был ли Олег должен Дмитрию. Дмитрий меня отправил. Причину назвал он.

Свиридова подняла глаза.

— Для чего отправил?

Артём произнёс это ещё раз. Теперь слова дались легче, а смысл стал хуже. В кабинете не было человека, которого можно было испугать, и не было Дмитрия, чтобы привычно разделить с ним ответственность за краткость объяснения. Были чужой стол и женщина, которой предстояло записать, что он согласился сделать за деньги.

Она спросила, почему именно правая.

— Не объяснил.

— Вы уточняли?

— Я спрашивал, больница ему нужна или рука. Он сказал: рука.

— Что вы поняли из ответа?

— Что ему нужна рука.

Свиридова перестала печатать.

— Я слышу. Почему согласились без объяснения?

Артём посмотрел на Данилина. Адвокат не подал знака. Ответ был простым, только Артёму всё ещё хотелось придать ему вид обстоятельства, которое случилось помимо его воли.

— Меня устраивала плата.

За окном что-то стукнуло о металлический отлив. Свиридова дождалась продолжения; его не было. Она вернулась к визиту.

Разговор занял больше времени, чем Артём ожидал. Его не заставляли каждый раз рассказывать всё сначала, но возвращались к отдельным местам: где находился телефон Олега, касался ли он хозяина, оставался ли кто-нибудь в других комнатах, как долго Артём видел его перед выходом. На последний вопрос он не смог ответить точно. Помнил полоску света, щелчок замка. Между ними не считал секунд.

— Так и запишем, — сказала Свиридова.

Про молоток Артём вспомнил, когда она спросила, что Олег делал с инструментами. Ему стало неприятно ещё до того, как он договорил. Короткая деревянная ручка, тёмный боёк, открытая коробка на подоконнике. Вчера это было частью ремонта.

— Он его в руки брал при вас?

— Убрал с табуретки. Вместе с отвёрткой.

— Потом?

— Я не видел, чтобы потом брал.

Свиридова записала. Не сказала, нашёлся ли молоток, не спросила, догадался ли Артём зачем. Он всё-таки не выдержал:

— Его этим убили?

— О причинах смерти я сейчас вам ничего сообщить не могу. Продолжим о том, что видели вы.

Артём почувствовал, как разозлился на неё за осторожность, которую совсем недавно ценил в адвокате. Ему хотелось хоть одной проверенной вещи в обмен на всё, что он уже отдал.

Переписку они показали целиком в части, относившейся к Горелову. Свиридова уточнила способ её сохранения, отдельно записала сведения об авансе. Данилин проследил, чтобы в объяснении различались слова Дмитрия, предположения Артёма и то, что он видел сам. Когда дошли до вечернего звонка Олега, Артём повторил:

— Мне это Дмитрий сказал. Экран он не показывал. Что после меня звонили — с его слов.

— Поняла, — ответила Свиридова.

Она не обрадовалась этой новости так, как Артём утром. В её лице вообще трудно было найти указание, какие из его слов работают в его пользу. Ему приходилось говорить дальше без этой поддержки.

Перед подписью он прочитал запись. Нашёл место, где его фраза звучала увереннее, чем он её помнил, попросил исправить. Они вернулись к уточнению, внесли его. Данилин ещё раз просмотрел текст.

Когда всё закончилось, Свиридова спросила, знает ли Артём Тамару Сазонову.

— Нет.

— Слышали о ней от Коротина или Горелова?

— Нет. А должен?

— Я спрашиваю, слышали ли вы о ней.

Он покачал головой. Адвокат едва заметно повернулся к нему, и Артём не стал задавать следующий вопрос.

* * *

На улице уже включили фонари. Артём остановился возле ступеней, застёгивая куртку. Из нагрудного кармана выпал чек за утренний завтрак. Он поднял его с влажного камня и хотел сунуть обратно, потом вспомнил, зачем сохранил.

Бумажка подтверждала только то, что кто-то заплатил за кашу в кафе. К вчерашней кухне она его не приближала. Артём донёс её до урны и выбросил.

Данилин стоял чуть поодаль, разговаривал по телефону. Теперь спрашивал, какой хлеб брать. Закончив, подошёл к Артёму.

— Сегодня больше никаких встреч с Коротином. Если он звонит о деле, не решайте с ним, что кому рассказывать. При новом вызове сразу связывайтесь со мной.

— Меня ещё позовут?

— Конечно. Человека убили после вашего визита. Мы не закончили.

Он сказал это без нажима, как сказал бы о незакрытом рабочем вопросе. Они попрощались. Данилин пошёл к магазину, а Артём остался ждать машину, которую вызвал телефоном.

Первым позвонил Сергей.

— Где ты?

— Только вышел. Разговаривал со следователем.

— Что говорят?

— Спрашивают.

Сергей не ответил на шутку. Артём и сам не знал, зачем её произнёс.

— Ты про игры что-нибудь знаешь? — спросил Сергей.

— Какие?

— Олега. Где он бывал, с кем. Я хочу к одной женщине съездить. Она сегодня звонила, спрашивала про похороны. Вся такая заботливая, даже меню уже знает.

— Тамара?

На той стороне стало тихо.

— Значит, знаешь.

— Фамилию только что спросили. Я сказал, что не знаю. Кто она?

— Давай при встрече. Я сейчас не хочу по телефону.

Артём посмотрел на экран: машина ещё ехала. Он мог вернуться домой. Завтра Ирина заберёт вещи, нужно хотя бы освободить проход в комнате. Сергей не был ему ни родственником, ни работодателем. Долга перед ним Артём пока не обещал.

Но у Сергея было имя, которого утром не было ни в одном разговоре. И желание ехать туда, куда Артём в одиночку не нашёл бы дороги.

— Мне сначала самому тебе сказать надо, — произнёс он.

— Что?

— Зачем я вчера приходил.

Сергей молчал несколько секунд.

— Ты же сказал. Из-за денег.

— Не всё.

Подъехала заказанная машина. Водитель остановился немного дальше, открыл окно и спросил, он ли Артём. Тот поднял руку: сейчас.

— Я домой поеду, — сказал Сергей. — Там поговорим. Адрес пришлю.

Он отключился прежде, чем Артём успел спросить, кто ещё будет дома.

Глава 5. Брат

Наташа открыла дверь раньше, чем Артём успел убрать телефон с присланным номером квартиры. Сергей стоял за её спиной, ещё в куртке. Значит, сам только что приехал.

— Проходи, — сказал он. — Разувайся. Здесь песок потом по всему дому.

В прихожей было тесно из-за высокого зеркала, прислонённого к стене. Артём снял ботинки и поставил рядом. Наташа придержала зеркало, хотя он не задел его.

— Тебя покормить?

Она спросила у мужа, но тот ответил, не глядя на неё:

— Мы ненадолго.

— Я не про надолго. Ты ел сегодня?

— Наташ, потом.

Она отпустила зеркало и прошла мимо них. Артём отступил, освобождая дорогу, услышал, как на кухне открыли холодильник. Ему показалось неуместным раздеваться в квартире, где вечером собирались есть, спорить о зеркале и заниматься делами после смерти брата. Будто он принёс с собой такой разговор, для которого следовало выключить всё остальное.

Сергей снял куртку, повесил на крючок и отвёл его в комнату с большим столом. На столе лежали оконные ручки в прозрачных пакетах, рекламная папка и раскрытый ноутбук. По стенам стояли обычные домашние вещи: невысокий книжный шкаф, диван, торшер с запылённым верхним краем. Работа Сергея занимала только середину комнаты, но проходить приходилось вокруг неё.

Он сгреб ручки в пакет и убрал на пол.

— Садись.

Артём остался стоять.

— Я не за деньгами к нему приходил.

Сергей придержал крышку ноутбука, не закрыв до конца.

— А за чем?

— Дмитрий поручил руку сломать. Правую.

Крышка опустилась. Сергей сел на край дивана. Не спросил сразу ничего; смотрел на свои колени, на широкую полоску вытертой ткани. Артём приготовился к удару. В этой комнате для него было достаточно места, и он уже заметил, как близко стоит торшер, который можно случайно опрокинуть.

Сергей не поднялся.

— И ты пришёл мне это домой сказать?

— Ты сам позвал.

— Я думал, ты про долг объяснишь. Кто там, сколько. Думал, хоть кто-то начнёт говорить нормально.

Из кухни донёсся стук ножа о доску. Наташа резала что-то с одинаковыми короткими промежутками. Артём понизил голос.

— Я его не тронул. Ни разу. Но пришёл для этого.

Сергей смотрел на него, не мигая. Артёму стало неудобно стоять над сидящим, и он отодвинул стул. Ножки зацепились за пакет с ручками. Пришлось поднять его и переставить самому.

— Сколько тебе дали?

— Шестьдесят.

Сергей прикрыл глаза. Артём не мог понять, много это для него или мало. Следующий вопрос был тише:

— Вернул?

— Дима не взял. Сегодня утром. Они у меня. Я следователю сказал и про них тоже.

Сергей резко поднял голову.

— Про всё сказал?

— Да.

За стеной продолжал стучать нож. Потом Наташа включила воду, и стало можно говорить немного громче. Артём рассказал про предложение Олега. Сергей почти сразу встал, прошёл к окну и оттянул штору, хотя за ней была только темнота.

— Он торговался?

— Да.

— Прямо положил?

Артём не ответил сразу. Он уже рассказывал сегодня, как Олег положил руку на стол. Здесь повторить не смог.

— Левую. Сказал, даю её. Настоящую. Чтобы ты, говорит, не ушёл совсем ни с чем.

Сергей отпустил штору.

— Господи, Олег.

Он произнёс имя сердито, как произносил его утром, вспоминая шкаф. Затем отвернулся к окну и упёрся ладонями в подоконник. На стене рядом висела фотография: Сергей и Олег стояли на солнце у воды, оба щурились, держали между собой большую рыбу. Один держал под жабры, второй — за хвост. Видимо, добычу решили поделить хотя бы на снимке.

— У вас здесь было? — спросил Артём, чтобы не смотреть на его спину.

Сергей обернулся.

— Что?

Артём показал на фотографию.

— Нет. На отдыхе. Рыба вообще не наша. Мужик поймал, Олег попросил подержать. Потом всем рассказывал, что мы её утром вытянули.

Он посмотрел на снимок и вдруг улыбнулся, совсем ненадолго.

— Я там стою как дурак. Он говорит: «Хоть вид сделай, что устал». А я хвост держу, ничего не понимаю.

Из кухни появилась Наташа с двумя тарелками. Увидела их лица, остановилась у стола.

— Поставлю здесь.

Сергей не возразил. Она сдвинула папку, положила вилки и отнесла на кухню пакет с ручками, чтобы он больше не лежал под ногами. Ни о чём не спросила. Артём хотел поблагодарить, но слова застряли: ему казалось, женщина должна знать, кому принесла еду.

Когда она вышла, Сергей сел напротив.

— Почему не сделал?

— Не понравилось мне.

— Что именно?

Артём повертел вилку.

— Что меня не спрашивали. Дима одну руку заказывает, твой брат другую предлагает. Оба всё уже придумали. А я должен выбрать и уйти, ничего не зная.

— То есть если бы он просто испугался, ты бы сделал?

— Он испугался.

— Я не об этом.

Артём положил вилку. От тарелки шёл запах жареного лука. Он мог сказать, что всё равно остановился бы. Сергей ждал ответа, и Артём пытался найти надёжную причину, по которой Олег остался жив после их встречи. Но такой причины не было.

— Не знаю, — ответил Артём. — Я взял деньги и приехал.

Сергей отодвинул тарелку от себя.

— Не ешь, — сказал он.

Артём встал.

— Хорошо.

— Сядь. Я не гоню тебя сейчас. Просто не надо, пока мы это говорим.

Он сам передвинул тарелки на другой конец стола. Получилось странно и неловко, как будто можно было отодвинуть от разговора то, что принесла Наташа, и потом вернуть на прежнее место.

— Дима сказал, кто попросил?

— Нет.

— Ты спросил?

— Спрашивал, сам ли он деньги давал. Олегу. Он не ответил.

— А кто тебя нанял — этого не спрашивал?

Артём покачал головой. Сергей несколько секунд смотрел на него, затем провёл рукой по лицу.

— Мне надо понять, что было после тебя.

— Мне тоже.

— Только ты домой вернёшься, если поймёшь. А я куда?

Артём посмотрел на оставленный у стола стул, на диван, на фотографию с чужой рыбой.

* * *

Кирилл пришёл, когда Сергей доставал из шкафа другую куртку. Из прихожей было слышно, как он поздоровался с матерью. Голос оказался низким, чуть хрипловатым; Артём, привыкший за день слышать про сына, ожидал почти мальчишку.

В комнату вошёл высокий худой парень в светлом толстом свитере. Увидел незнакомого человека, остановился у двери.

— Здравствуйте.

Артём поздоровался. Сергей натянул куртку, промахнулся рукой мимо рукава и сердито дёрнул ткань.

— Где был?

— На улице.

— Это я понял. Я звонил.

— Я видел.

Кирилл держался за дверную ручку. На пальцах темнела краска или грязь, а ноготь большого пальца был коротко обломан. Артём узнал руки человека, который работает, а не только приходит за деньгами к отцу.

— У кого был? — спросил Сергей.

— У Никиты. Потом ходил. Мне надо было.

— Нам всем сегодня надо было. Ты мог ответить.

Кирилл глянул на Артёма. Сергей это заметил и, прежде чем сын успел попросить, сказал:

— Артём вчера с Олегом разговаривал. Приехал рассказать.

— О чём?

— Кирилл.

— Что «Кирилл»? Ты сам только что сказал.

Артём хотел выйти, но тогда разговор о нём продолжился бы без него. Он остался возле стола. Парень всё ещё смотрел прямо, без обычной настороженности человека перед тем, кто старше и крупнее.

— Про деньги, — ответил Сергей.

Артём почувствовал, как снова закрылся уже произнесённый рассказ. Отец мог не знать, сколько слышит сын и что способен сейчас вынести. Мог просто не хотеть обсуждать это при нём. Но слово «деньги» опять заняло место руки, которую вчера положили на стол.

— Он всем про деньги говорил, — сказал Кирилл. — Больше никто ничего не спрашивает.

— Ты вчера был у него?

Сын отпустил ручку.

— Нет.

— Собирался же.

— Не пошёл.

— Почему?

Кирилл посмотрел на отца почти с удивлением.

— Ты весь вечер говорил, чтобы я никуда не ходил. Теперь спрашиваешь почему?

Сергей застегнул куртку.

— Мне надо знать.

— Я сказал.

Парень отошёл к окну. Поднял лежавший на подоконнике зарядный провод, положил обратно. На фото с рыбой не посмотрел.

— Куда едешь?

— К Тамаре.

Кирилл сразу повернулся.

— Зачем?

— Поговорить. Сначала про поминки. Потом про остальное.

— Не надо туда сейчас.

Сергей застыл. Артём видел, как ему хочется немедленно спросить почему, тем же голосом, каким он спрашивал о вчерашнем вечере. Но он удержался.

— У неё люди? — произнёс он наконец.

— В субботу всегда люди.

— Значит, подождём.

Кирилл переступил с ноги на ногу.

— Ты придёшь и начнёшь на всех орать. А она тебе что должна сказать? Она тоже не знает.

— Ты с ней разговаривал?

Сын замолчал. Сергей достал телефон, словно сам мог найти ответ в своём аппарате, затем убрал.

— Так. Завтра поговорим. Нормально. Без этого всего. Ты утром дома будешь.

— Буду, если надо. Только не надо так, будто меня уже закрыли.

Сергей повернулся к Артёму:

— Пойдём.

В прихожей Наташа помогла Артёму отодвинуть зеркало. Он поблагодарил её за еду, хотя не прикоснулся к тарелке. Она ответила: «В следующий раз», — и, увидев лицо мужа, больше ничего не сказала.

* * *

В машине Сергей долго не мог вставить телефон в держатель. Нижняя лапка упиралась в чехол. Артём показал, что можно раздвинуть, но Сергей уже положил аппарат в углубление рядом с ключами.

— Он к ней ходит, — сказал он. — Кирилл. Я думал, только с Олегом. Потом понял, уже сам.

— Что там?

— Помещение у неё. Днём еду готовят, выносят на заказы. Вечером кому сдаёт, кого сама собирает. Олег привёл. Сначала нарды, по мелочи. Потом уже не по мелочи.

— Ты играл?

— Нет. Мне в детстве хватило. Он всё равно выигрывал.

Сергей завёл двигатель и включил обогрев стекла. Внутри снова стало тесно от шума вентилятора и их дыхания. Артём понял, что за весь день так и не спросил, кем работал Олег.

— Он где работал?

— Когда как, — ответил Сергей. — Мебель продавал, помещения подбирал. Людей знакомил. У него вечно кто-то кому-то нужен был. Ему позвонят — он уже знает, кто поможет.

— Тамара ему помогала?

— Ага. Очень.

Сергей включил передачу. Артём придержал папку с соглашением на коленях, когда машина тронулась.

— Ты поэтому про неё хочешь узнать? Из-за сына?

— Из-за брата тоже. У меня сегодня не один родственник был.

Они выехали со двора. По дороге Сергей перестраивался молча, заранее показывая поворот. Никакой особенной злости в его движениях не было. Артём ждал, что разговор о поручении вернётся: вопросом, угрозой, внезапной остановкой у обочины. Вместо этого Сергей уточнил:

— Он сказал, правая для работы?

— Сказал, работа есть. Не объяснил какая.

— Угу.

— Ты понимаешь?

Сергей не ответил, пока не пропустил пешехода у поворота.

— Примерно.

— Мне скажешь?

— Послушаем сначала, что она скажет.

Артём отвернулся к окну. Перед встречей с Тамарой у него стало меньше доверия к человеку, который вёз его туда. Сергей не ударил его, не выгнал из дома и даже позволил остаться при разговоре с сыном. Артём не мог понять, было ли это сдержанностью человека, потерявшего брата, или ему просто требовалось, чтобы вчерашний посетитель пока никуда не уходил.

В кармане завибрировал телефон. Дмитрий.

Артём показал экран Сергею и ответил.

— Я занят.

— Ты куда ходил? — спросил Коротин.

— Куда позвали.

— Я тебе что утром говорил?

Сергей смотрел на дорогу. Артём слышал через трубку дыхание Дмитрия — быстрое, сердитое, совсем не похожее на утреннюю усталость.

— Я рассказал, как было, — сказал он.

— Молодец. Теперь слушай…

— Не сейчас.

Артём отключился. Сергей не спросил, что ему говорили. Только чуть убавил вентилятор, будто наконец заметил, как громко тот работал.

Глава 6. Свободный вечер

За стеклянной дверью лежала связка воздушных шаров. Она перекрывала половину прохода, и Сергей сначала постучал, хотя дверь была открыта. Из глубины помещения никто не подошёл. Тогда он осторожно отодвинул шары носком ботинка и вошёл.

Артём придержал дверь. В лицо пахнуло жареным мясом, средством для пола и чем-то сладким, похожим на растаявшее мороженое. За перегородкой играла музыка; сквозь неё пробивался мужской голос, громко перечислявший чьи-то хорошие качества.

В небольшом переднем помещении стояли стол, два холодильника и вешалка на колёсах. На столе женщина в клетчатых брюках заклеивала картонные коробки. Увидев Сергея, показала ладонью: подождите. Телефон у неё был зажат между плечом и ухом.

— Не с кремом. Я вам ещё раз говорю, эта коробка без крема. Там подписано… Вот её и берите.

Она отключилась, отложила рулон ленты.

— Вам за заказом?

— К Тамаре.

— Имя скажите.

Сергей назвался. Женщина сразу посмотрела на него иначе.

— Сейчас.

Она ушла за перегородку. Там кончилась речь, несколько человек захлопали. Кто-то попросил повторить последние слова, потому что не слышал. Сергей стоял посреди прохода и смотрел на холодильники так, будто их шум мешал ему вспомнить, зачем пришёл.

Артём отодвинул в сторону табурет, чтобы пропустить пожилого мужчину с пустым подносом. Тот поблагодарил и спросил женщину, вернувшуюся к коробкам, где у них большие пакеты.

— Под мойкой, Пётр. Только не те, которые для мусора.

— Я один раз перепутал.

— Одного хватило.

Пётр прошёл дальше, в дверь у холодильника. Артём услышал короткий смех и сразу вспомнил утреннее кафе. Здесь тоже всё продолжалось: кому-то требовались пакеты, кто-то неправильно забрал торт. Смерть Олега не закрыла ни одного заказа.

Тамара появилась без верхней одежды, в чёрных брюках и блузке цвета тёмного вина. В руках держала два пустых бокала. Один поставила на стол, второй почему-то оставила у себя.

— Серёжа.

Она подошла близко и обняла его. Сергей стоял, не поднимая рук. Тамара отстранилась, заметила Артёма.

— Вы вместе?

— Это Артём, — сказал Сергей. — Он вчера у Олега был.

Тамара перевела взгляд с одного на другого.

— Пойдёмте сюда. Здесь не поговорить.

Она повела их по короткому коридору, мимо открытой кухни. Женщина в клетчатых брюках успела спросить, что делать со вторым противнем.

— Вика, пусть пока стоит. Я вернусь.

В конце коридора находилась комната с длинным столом. На одном краю лежали стопки матерчатых салфеток, другой был свободен. У стены стояли сложенные стулья. Тамара включила дополнительную лампу, посмотрела на бокал в своей руке и вынесла его обратно.

— Я весь день с ним хожу, — сказала, вернувшись. — Всё собираюсь поставить.

Она говорила не жалобно, а раздражённо. Подвинула стул Сергею, сама села сбоку. Артём остановился у двери под настенными крючками. На одном висело короткое тёмное пальто с большим воротником. Под ним стояли женские ботинки с толстой подошвой.

— Это моё, можете рядом повесить, — сказала Тамара. — Тут сухо.

Артём снял куртку. Папку с документами положил на свободный стул. Тамара заметила папку, но ничего не спросила.

— Сколько человек примерно будет? — обратилась она к Сергею. — Я могу здесь закрыть комнату. Если больше двадцати, тогда там, после двух. Только день надо знать.

— Я ещё не знаю день.

— Я понимаю. Пока хотя бы людей посчитайте. С твоей стороны, с Наташиной, его знакомые. Не обязательно всех кормить сразу, можно…

— Тамара.

Она остановилась.

— Что?

Сергей сцепил руки на столе.

— Ты когда его последний раз видела?

Тамара выпрямилась. Посмотрела на Артёма, затем снова на Сергея.

— В четверг. Заходил сюда. Мы разговаривали.

— Вчера нет?

— Нет.

— Совсем?

— Серёжа, что значит совсем? Не видела. Говорила по телефону. Он дома ремонт делал, ты знаешь.

В соседней комнате громко запели. Тамара закрыла дверь; песня стала глуше, но отдельные слова всё ещё можно было разобрать. Она прислонилась к столу, больше не садилась.

— Я не хотела сегодня их принимать. Но люди за месяц договорились. Деньги внесли, гостей позвали. Я не могу им в четыре часа сказать, что всё отменилось.

— Я не про этих людей.

— А про каких?

Сергей посмотрел на стопку салфеток.

— Про тех, которые к тебе по вечерам приходят.

Тамара усмехнулась без веселья.

— Ты сейчас сам вечером пришёл.

— Я не играю.

— Это я помню. Олег говорил, с тобой невозможно: проиграешь и начинаешь объяснять, как надо было ходить.

Сергей резко разжал руки.

— Он много чего говорил.

— Да. И я его знала не только с плохой стороны.

Артём заметил, как быстро они перестали говорить с ним в комнате. Он стоял почти между ними, но для обоих оказался человеком, которому можно не объяснять старую ссору. Тамара знала, на что Сергей рассердится; Сергей знал, где она заменит ответ воспоминанием. Они уже делали это раньше.

— Зачем вы с ним разговаривали в четверг? — спросил Артём.

Тамара повернулась к нему.

— А вы кем ему приходились?

— Никем.

— Тогда, может быть, сначала скажете, о чём сами вчера говорили.

Сергей не вмешался. Артём посмотрел на него и понял, что ответа за него не будет.

— Меня прислал Дмитрий Коротин.

— Я знаю Диму.

— Тогда спросите его.

Тамара подошла к пальто. Артём отступил, думая, что она собирается уйти. Она вынула из кармана маленький флакон, нажала на ладонь и растёрла прозрачную жидкость. Запах спирта на секунду перебил кухонный.

— Зачем приехали, если ничего не хотите сказать?

— Узнать, что было после меня.

— От меня? Я там не была.

Она сказала это без паузы и, убрав флакон, снова повернулась к Сергею.

— В четверг мы обсуждали пятницу. Следующую. Двадцать четвёртое. Придут знакомые, будет еда, будут играть. Олег собирался. Что ещё тебе объяснить?

— Кирилл тоже собирался?

— Он сам тебе не может сказать?

— Может. Только не говорит.

Тамара устало опустила руки.

— Серёжа, я твоего сына не уводила. Пришёл Олег, привёл племянника. Взрослый парень. Я должна была паспорт у него забрать и тебе звонить?

— Ты могла не давать ему играть на деньги.

— Могла. Ты тоже мог с ним разговаривать, когда он приходил домой. Без проверки карманов.

Сергей встал. Стул ударился о ножку стола. Тамара не отступила; только её голос стал тише.

— Сядь. Здесь люди. И я с тобой не драку устраиваю.

— Ты о нём ничего не знаешь.

— Знаю, что он работал у тебя всё лето. И что деньги у него свои. Дальше — ваши разговоры.

Артём ждал, что Сергей спросит, откуда она знает про проверку карманов. Тот не спросил. Поднял стул, вернул на место и остался стоять за спинкой.

В дверь постучали. Вика просунула голову:

— Тамар, у них двое ушли, остальных на горячее считать?

— На всех считай. Они могут вернуться.

— Они с вещами ушли.

— Вика, я сейчас подойду.

Дверь закрылась. Тамара провела пальцами по виску и посмотрела на Артёма уже без прежней резкости.

— Он вчера как был?

Тот почти ответил: живой. Успел остановиться.

— Испугался.

Сергей опустил глаза. Тамара несколько секунд молчала.

— Вас?

— Да.

— Вы ему угрожали?

Артём почувствовал, как вспотели ладони. Здесь не было Данилина, который отделил бы вопрос от нажима. Не было даже понятного порядка, после которого можно подписать бумагу и выйти.

— Я сказал, зачем пришёл. Потом ушёл, ничего не сделав.

— Хорошо, — произнесла Тамара. — Значит, вы сделали хотя бы это.

Ему не понравилось её «хорошо». Она ничего не знала о вчерашнем вечере, если верить собственным словам, и уже распределяла, кто чего добился. Или знала от Дмитрия гораздо больше, чем собиралась сейчас показывать.

— Он пытался вам позвонить? — спросил Артём.

— Мы разговаривали.

— После семи?

— Время посмотрю, если нужно. Сейчас я не помню.

— Посмотрите.

Тамара посмотрела на Сергея.

— Ты привёл человека меня допрашивать?

— Я привёл человека, который видел Олега вчера, — ответил тот. — Больше мне никто ничего не говорит.

— Пусть он сначала сам тебе всё скажет.

— Он сказал.

В лице Тамары что-то изменилось — на мгновение, слишком короткое, чтобы Артём сумел назвать. Она взяла со стола телефон.

— У меня сейчас ужин на сорок человек. Завтра я могу спокойно сесть и посмотреть звонки. Кому нужно, я всё покажу. Сегодня мне уже звонили, я никуда не прячусь.

Она открыла дверь. Музыка стала громче.

— Про поминки передайте Наташе. Я сделаю по себестоимости. Олег мне тоже был не чужой.

* * *

Они вышли не сразу. Сергей спросил, где туалет, и ушёл по коридору. Артём надел куртку, забрал папку. На столе у холодильников Вика раскладывала пустые контейнеры, проверяя, к каким подходят крышки. Пётр возился с большим пакетом и никак не мог его расправить.

— Вам помочь? — спросил Артём.

— Не надо, — ответил тот. — Я просто не тот конец взял.

Он развернул пакет, встряхнул и засмеялся.

— Вот. Дожил.

Пётр поставил в пакет коробку, придерживая дно ладонью, чтобы картон не разошёлся.

— Вы Олега знали? — спросил Артём.

Пётр перестал укладывать коробку.

— Знал. Мы играли.

— Здесь?

— И здесь. Вы его родственник?

— Нет. С братом приехал.

Пётр кивнул и взял вторую коробку.

— Жалко. Я сегодня узнал, до сих пор не верится. В четверг сидели, он всё смеялся. Я ему говорю: не спеши, дай подумать. А он нарочно стаканом стучит.

— Каким стаканом?

Пётр показал рукой маленькую цилиндрическую вещь.

— Для костей. У него привычка, когда чужой ход. Тамара на него ругалась, а ему смешно.

Из кухни вышла сама Тамара. Держала в руках блокнот, карандаш зажала между страницами.

— Петя, ты в пятницу сможешь пораньше? Мне стол переставить надо.

Тот поднял голову.

— А мы собираемся?

— Пока да. Я всем ещё скажу.

— Я думал, теперь отменится.

— Почему должно отмениться? Люди договаривались. Не каждый день могут.

Пётр скривился, будто собирался возразить, но потом сказал, что сможет только после работы. Тамара отметила что-то в блокноте.

— Тогда я Андрея попрошу. Он в четверг приедет.

— Ратникова?

— Его.

Пётр положил последнюю коробку и завязал ручки пакета. Артём ждал продолжения, но для этих двоих фамилия ничего не меняла. Они уже обсуждали, кто сможет привезти складной стол и почему его нельзя оставлять до утра на улице.

Сергей вернулся. Тамара закрыла блокнот.

— Позвони, когда день будете знать.

— Позвоню.

Она проводила их к двери. Вика спросила ей вслед:

— Пальто тебе отнести?

— Пока оставь. Я в нём сейчас выйду.

— Я про завтра. Ты говорила, надо почистить.

— Потом решу, Вика.

Артём пропустил Сергея вперёд. На улице стало заметно холоднее. Во дворе человек курил возле машины, в которой спал ребёнок; увидев выходящих, поспешно закрыл заднюю дверь и отошёл от неё. Из-за перегородки доносилось пение, слышное даже снаружи.

— Ты слышал? — спросил Сергей, пока они шли к минивэну.

— Про пятницу?

— Даже не отменили.

Он открыл машину. Артём сел, положил папку на колени.

— А почему должны? — спросил Артём.

Сергей резко повернулся.

— Брата моего убили.

— Я понимаю. Но ты сейчас так говоришь, будто без Олега они не могут.

— Не могут, — ответил Сергей. И почти сразу поправился: — Я думал, не смогут.

Он завёл двигатель, не объяснив разницы.

Глава 7. Три коробки

Сергей высадил его у дома и отказался от денег за дорогу. Артём предлагал обычные, из бумажника, но всё равно почувствовал неловкость, как только достал купюру. Сергей даже не посмотрел на неё.

— Завтра позвоню, — сказал он.

Артём кивнул. В подъезде пахло мокрой обувью. На третьем этаже кто-то выставил на площадку детский самокат, и пришлось отодвинуть его к стене, чтобы открыть дверь своей квартиры.

Дома всё осталось на утренних местах. Хлеб в пакете, сыр в холодильнике, пустая сковородка на конфорке. Артём положил папку на стол, снял куртку. Деньги вынул и убрал в ящик. Передвинул коробку с батарейками, потом оставил как было.

От Дмитрия пришло сообщение: «Нужно встретиться».

Артём набрал ответ, что утром тот сам ушёл из кафе. Стер. Написал: «По деньгам?» Ответа не было.

Он поел стоя, прямо у плиты, и только потом заметил, что не включил на кухне верхний свет. Хватало маленькой лампы над мойкой. При Ирине её всегда оставляли на ночь, потому что она вставала пить. Теперь Артём тоже оставлял, хотя ночью воды почти не пил.

В комнате три коробки стояли возле шкафа. Он перетащил их к выходу, одну поставил на другую. Верхняя оказалась тяжелее, чем ожидалось; нижняя прогнулась, и пришлось вернуть всё на пол. На самой большой коробке картон был надорван у края. Артём принёс ленту, заклеил разрыв.

Сесть после этого не получилось. Он прошёл по квартире, собрал мелкие вещи, которые могли оказаться Ирининым: расчёску в ящике, зарядное устройство с тонким проводом, две заколки за диванной подушкой. Положил в пакет. Потом достал зарядное устройство обратно. Это было его, от старого телефона, который Ирина никогда не брала.

На экране нового телефона высветилось имя Валерия Антипова.

«Ты помнишь? В понедельник ехать».

Артём сел на край кровати. Вчера он должен был перевести двадцать тысяч и забыл. Позавчера помнил, даже проверял остаток на карте, а вчера занимался другой рукой, чужой квартирой, правом отказаться.

Он открыл приложение банка. После оплаты адвоката денег оставалось меньше, чем рассчитывал. Суммы хватало впритык, если до следующего заработка не покупать ничего лишнего.

Артём отправил двадцать тысяч и написал: «Перевёл».

Антипов ответил не сразу.

«Вижу».

Больше ничего не было. Ни спасибо, ни вопроса, почему задержал. Артём положил телефон рядом. Его раздражало, что Валерий всегда отвечал одним словом, и он каждый раз вспоминал, за что переводит деньги, прежде чем позволить себе эту обиду.

Три года назад Антипов сам вышел к нему на лестницу. Не прятался, не звал соседей, попросил не шуметь: дочь спала. Артём принял просьбу за слабость, потом — за попытку тянуть время. В больнице Валерию собирали колено. Он до сих пор ходил хуже, чем до той встречи.

Дмитрий тогда сказал, что всё могло закончиться гораздо хуже, и помог договориться о деньгах. Артём долго считал это удачным завершением дела. Теперь Антипов опять куда-то ехал в понедельник, а удачное завершение продолжалось каждый месяц.

Артём написал: «Куда ехать?» — и убрал телефон, не дожидаясь ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.